

С каждым годом ширится и улучшается в нашей стране охрана здоровья народа. Растет количество медицинских учреждений, появляются новые средства борьбы с болезнями, неуклонно снижается смертность населения. Корреспондент «Литературной газеты» по Белорусской ССР обратился к министру здравоохранения республики тов. И. Инсарову с рядом вопросов.

— Как организована в республике охрана здоровья населения?
— Для начала, — сказал И. Инсаров, — несколько сравнений. В 1913 году, когда Белоруссия была заброшенной окраиной царской империи, один медицинский участок приходился на 50 тысяч человек. Чтобы добраться до ближайшей больницы или фельдшера, крестьянину приходилось совершать путь в 50 и более верст. Сегодня радиус амбулаторного обслуживания сельского населения составляет в среднем 8,8 километра. Каждая районная и сельская больница оказывает специализированную и квалифицированную помощь, причем один врачебный участок приходится на 7000 жителей. После войны число больничных коек в Белоруссии возросло на 34 проц, а в сельских местностях — на 84 проц. По сравнению с 1913 годом число коек увеличилось больше чем в 11 раз.

Но главное, конечно, в повышении качества медицинского обслуживания. Все наши районные больницы укомплекнены квалифицированными специалистами. Врач имеется, кроме того, почти в каждом сельском амбулаторном участке. Каждый сельский совет располагает больницей или амбулаторным пунктом, оборудованными современной медицинской техникой.

Во всех районных и крупных сельских больницах (о городских и говорить не приходится) есть рентгеновский и физиотерапевтический кабинеты, а также клинико-диагностическая лаборатория. Зарплата о здоровье человека начинается с первых дней его появления на свет. Сейчас все матери в городах и более двух третей в сельских местностях рожают в больницах, оставшаяся треть матерей обеспечена бесплатной акушерской помощью на дому. 390 женских и детских консультаций осуществляют тщательный надзор за беременными женщинами и кормящими матерями, патронируют новорожденных до трехлетнего возраста.

Чтобы обеспечить такой широкий фронт медицинского обслуживания населения, необходимо большое количество врачей и фельдшерских кадров. Их готовит два института и 21 медицинское училище. Количество врачей в Белоруссии выросло на 86 проц. по сравнению с 1940 годом. Чтобы дать возможность медицинским работникам не отставать от успехов современной медицины, в Минске работает Институт усовершенствования врачей, имеющий в своем распоряжении большую клиническую больницу, оснащенную новейшим медицинским оборудованием.

— Как сказались эта забота государства на здоровье населения?

— В три раза по сравнению с 1913 годом снизилась смертность населения, а в четыре раза — смертность среди грудных детей. Совершенно исчезли такие болезни, как натуральная оспа и возвратный тиф; студенты-медики изучают их только по учебникам. В одинадцать раз снизилось количество заболеваний трахомой. Смертные случаи при крупозном воспалении легких в четыре с половиной раза стали реже, чем семь лет назад, а смертность детей, заболевших скарлатиной, снизилась за это время в триста раз!

— В ближайшем будущем, — сказал в заключение И. Инсаров, — основные капиталовложения будут направлены на строительство больниц в районах и областных центрах, детских больниц и яслей, на укрепление материальной базы учебных и научно-исследовательских медицинских учреждений. Дальнейшее расширение специализированной помощи населению, повышение культуры медицинского обслуживания, расширение патронажа новорожденных в сельской местности, усиление профилактических мероприятий и санитарной пропаганды в городе и на селе — вот те задачи, которые будут осуществляться в ближайшие годы работниками народного здравоохранения Белоруссии.

К 75-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского

ИЗДАНИЕ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ
▷ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
▷ РАСШИРЕНИЕ КВАРТИРЫ-МУЗЕЯ
▷ ФИЛЬМ ПО РОМАНУ «ИДИОТ»

Под председательством А. Суркова состоялось очередное заседание комиссии по подготовке и проведению 75-летия со дня смерти великого русского писателя Ф. М. Достоевского, исполняющегося в начале февраля 1956 года.

Представители Союза писателей СССР, Министерства культуры СССР, Советского комитета защиты мира, Министерства просвещения РСФСР, ВОКС, издателей, музеев и театров столицы сообщили о том, что они предпринимают в связи с отмечаемой датой.

Гослитиздат пруноричивает выпуск первого тома собрания сочинений Ф. М. Достоевского, готовится двухтомник повестей и ряд литературоведческих работ, посвященных творчеству писателя. Вышли из печати отдельные издания романы: «Преступление и наказание», «Подраствок», «Идиот», «Село Степанчиково и его обитатели».

Основным проблем творчество писателя будет посвящена научная сессия в Институте мировой литературы имени А. М. Горького. В залах будут проведены тематические заседания ученых советов.

Значительно расширяется квартира-музей Ф. М. Достоевского. Новые экспозиции будут развернуты теперь во всех комнатах квартиры Достоевских, в одном из флигелей бывшей Марининской больницы.

Памяти писателя будут посвящены литературные вечера. В клубах и домах культуры состоятся лекции и доклады, в библиотеках открываются выставки.

С интересом было выслушано сообщение о подготовке документального историко-биографического фильма о Ф. М. Достоевском, а также художественной картины по роману «Идиот».

Для участия в мероприятиях, связанных с 75-летием со дня смерти Достоевского, приглашаются зарубежные писатели.

Юбилейный спектакль

30 лет не сходит со сцены пьеса В. Вильгельмовского «Шторм».

За это время она с огромным успехом была показана во всех крупнейших городах страны, обошла сотни клубных сцен, перешагнула рубежи Родины. В конце прошлого года состоялась премьера «Шторма» в Праге. «Ваша пьеса прозвучала, как боевой клич, как героический призыв к необходимости трудового народа, лагеря мира и социализма... Горячее, искреннее спасибо за «Шторм», за красоту, правду, оптимизм и силу, которыми ваша пьеса наполняет наших зрителей», — писал драматург коллектива Центрального театра чехословацкой армии после премьеры.

На днях в Театре имени Моссовета состоялся юбилейный спектакль «Шторм». Зрители горячо приветствовали автора.

Пресня, 1905 год

Мне, как другу, сказала газета:
— Будет путь твой лежать
сквозь года,
Вся надежда теперь на поэта,
Без мечты не пробиться туда...

Я задумался крепко сначала:
Донесу ли из прошлого весть?
Сердце твердый приказ отстучало,
И я выдохнул коротко:
— Есть!

Пятьдесят ветровых листопадов
И снегов, что летят на зарю,—
Вес прощай, все исполню, как надо,
Чтоб пробиться к тому декабрю.

Я иду... Дней далеких приметы
Помогают в нелегком пути.
Старик подает мне советсы,
Как восстановить Пресню найти.

Вот прошел сквозь года пятилеток,
И колхозы остались вдали...
Над кремлевским холмом напоследок
Краснокрылые звезды взошли.

Огонек ГОЗЛРО не искрится,
И бурьян забивает межу.

К Октябрю, как к великой границе,
По советской земле подхожу.

А на Пресне дымки перестрелили
И орудий раскатистый гуд.
И в обратную сторону стрелки
На часах моих точных бегут.

7 декабря 1905 года.

Послужи мне звездой путевой,
Без горячего пара голодный,
Под музейным стеклом безработный,
Легендарный фабричный гудок!

Ты декабрьских боев запевала,
Звал в то утро рабочих в борьбу.
Так злой же, как пел ты, бывало,
Чтоб откликнулось сердце тебе...

Встал товарищ Самарин со стула.
Встал дружинник, седой коммунист.
Над гудком он склонился сутоло,
Как над старой трубой горнист.

Вдруг дыхание ожившего жара
Шельзнулось в безмолвном гудке.
И горячая капелька пара
Задрожала на медной щече.

А Самарин? Он стал вдруг безумным.
Посветлел, изменился лицом.
Из седого он сделался русым
Десятидвухлетним бойцом.

Вот стоит он с друзьями в котельной,
Пар со свистом из вентиля бьет.
Вот стоит он с гудком неравядельный
И сигнал к наступлению даст.

10 декабря 1905 года.

«Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе.
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе!»

Эти с детства знакомые строки
Дальше, дальше по Пресне ведут
К тем кварталам,
где фронтом широким
Вырастает народный рудут.

Крепок этот рудут на поверку.
Стукул молот. Запела пшля.
«Раз-два, вали!» — колесами кверху
Котка на спину грузно легла.

Долговязою шестой жмрафией,
Потемневший в обычных трудах,
Государственный столб телеграфный
На казенных повис проводах.

Пополнение приходит в отряды,
И становится топарь бойцом.
Как плотина, стена баррикады
Окружила всю Пресню колымом.

Тот же день.

Звали девушек Пчелкой и Машей.
Люди память о них берегли.
Обе девушки рядом на марше.
Обе красное знамя несли.

Котка грудью облегал волною,
И колыхнула юбки легко.
От походов их вест воеую,
Хоть декабрь от весны далеко.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 146 (3491)

Четверг, 8 декабря 1955 г.

Цена 40 коп.

НЕРУШИМОЕ ЕДИНСТВО МИРОЛЮБИВЫХ НАРОДОВ

Это случилось в аэропорту Бомбея. Под звуки индийской народной мелодии, которую с жаром исполняли трубачи в красочных национальных костюмах, Прессидент Совета Министров СССР Н. А. Булганин и Член Президиума Верховного Совета Союза ССР Н. С. Хрущев поднимаясь на трибуну, установленную по случаю их прибытия, и в этот момент тысячи детей, скандируя слова приветствия, выпустили белых голубей, символизирующих мир. Стая белых птиц унеслась в небо, но когда Н. А. Булганин начал свою речь, встречающиеся заметили, что пара голубей стала кружить над трибуной, а потом предположительно улетела на самой ее вершине, как раз над головами почетных гостей из Москвы. Множество людей, пристально следивших за полетом птиц, увидело в этой картине замечательный символ. Раздались громкие одобрительные возгласы и бурные рукоплескания. Сначала советские руководители не поняли, в чем дело, но взглянув вверх и увидев сидящих над ними голубей, они тоже захопатали в ладоши, приветствуя вместе со своими индийскими друзьями этот символ мира.

Небольшой эпизод этот служит ярким выражением горячей симпатии, энтузиазма, вызванного во всех уголках нашей необъятной страны приездом советских гостей. Надо сказать, что настроения индийского народа были либо совершенно не поняты определенной частью печати и политических деятелей Запада, либо истолковывались ими умышленно ложно.

Поездка маршала Н. А. Булганина и товарища Н. С. Хрущева в Индию, так же как посещение премьер-министром Джавахарлалом Неру Советского Союза, довела до сознания широчайших масс индийского народа ту историческую истину, что Индия и СССР едины в борьбе за мир.

Радио сообщило о небывалой встрече, устроенной советским руководителям в Балькутте, о встрече, в которой участвовало около 3 миллионов человек. На общегородском митинге, когда Н. А. Булганин, Н. С. Хрущев и Дж. Неру, приветствуя жителей Балькутты, валились за руки в знак нерушимого единства двух народов, во всемо огромном полую проносилась волна бурных ликующих возгласов.

Балькутта — крупнейший город Индии, а казалась бы, естественно, что там на митинг собралось больше всего народу. Но многолюдные толпы приветствовали советских руководителей куда бы они ни приезжали, — в нашей древней столице Дели, которая никогда еще не видела столь величественного зрелища; в Агре, которая является знаменитой и той усадьбой Таж-Махал и другими памятниками зодчества эпохи Великих Моголов; на гигантской стройке Бхакра-Наггал, где возводятся плотина и электростанция; на государственной ферме близ Барейли, где советские руководители ознакомились с новыми методами, применяемыми в сельском хозяйстве Индии; в Бомбее, где весь город вышел на улицы, чтобы приветствовать советских гостей, и где произошла их первая встреча с промышленным

1 декабря товарищи Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев превали свое пребывание в Индии и отбыли в соседнюю страну — Бирманский Союз. В течение недели советские руководители побывали во многих городах и селениях Бирмы. Они выступили с речами на многочисленных митингах и собраниях, устроенных в их честь. И повсюду — в Рангуне и Мандалае, Хеко и Таунгдаи, Яунгае и Маймо — бирманцы оказали по-настоящему великого Советского Союза исключительно радушием и сердечным приемом.

Визит доброй воли советских руководителей в Бирму, несомненно, будет способствовать укреплению уз дружбы и братства между советским и бирманским народами в их борьбе за мир и безопасность. В выполнении этой задачи большую роль сыграет подписанное 6 декабря в Рангуне Советско-Бирманское Совместное Заявление.

7 декабря Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев вылетели в Индию. В своей речи на Рангунском аэродроме перед отлетом из Бирмы Н. А. Булганин заявил: «Мы покидаем вашу приветливую и гостеприимную страну, обогащенные неизгладимыми впечатлениями о вашей прекрасной земле и замечательном народе. Мы имеем возможность лично ощутить биение политической и экономической жизни Бирмы, освободившейся от колониального рабства, ставшей на путь самостоятельного развития. Мы навсегда сохраним в наших сердцах искренние и теплые чувства дружбы и расположения, которые славный бирманский народ питает к советскому народу».

всем, как мы, простые люди!». Индийцы, как и советские люди, отличаются простотой и искренностью, они не особенно заботятся о соблюдении всяких внешних формальностей, но зато всякое беззастенчивое проявление симпатии и дружбы находят у них горячий отклик. Всякий раз, как советские руководители складывали ладони в традиционном индийском приветственном жесте и произносили слово «намасте» (что на языке хинди означает «привет»), это трогало индийцев до глубины души.

Говоря о таком стихийном проявлении симпатии, следует отметить еще одно обстоятельство, значение которого только индийцы могут оценить полностью. Простота поведения советских руководителей, их братское обращение с народом особенно расположили к ним индийцев, которым знакомо высокомерие некоторых государственных деятелей капиталистического Запада.

Индийцы говорят теперь: «Советские люди тоже белые, а они нам — друзья!». Некоторые вспоминают об отважном русском путешественнике Афанасии Никитине, который в XV веке прибыл в Индию с мирной целью — для установления торговых отношений, в отличие от других европейцев (например, португальца Васко да Гама), которые явились в нашу страну, чтобы завоевать ее.

Кстати, следует отметить, что выступления Н. А. Булганина в Мадрасе и Н. С. Хрущева в Балькутте в защиту прав Индии на территории Гоа, прав, по-прежнему португальским властям, были встречены с энтузиазмом. Эти высказывания свидетельствуют о том, что советский народ поддерживает все наши национальные чаяния.

В заключение мне хотелось бы упомянуть о трогательном выступлении маленькой школьницы по имени Мунгас, дочери бомбейского рабочего. Она приветствовала советских руководителей от имени бомбейских детей на детском празднике, в котором приняло участие свыше ста тысяч ребят. Девочка не могла дотянуться до микрофона — ей пришлось стать на ступ.

— Мы, дети Индии, — сказала она, — хотим дружить с детьми Советского Союза. Нам очень хотелось бы послать им какой-нибудь подарок в знак любви. Но что можем мы послать советским детям? Ведь у них все есть. Бомбей — это город солнечного света, и нам хочется, чтобы его лучи любовно ласкали ваших детей. В свою очередь нам хотелось бы, чтобы Советский Союз послал нам немного снега. Мы только слышали, что снег очень белый и очень красивый, но никогда в своей жизни не видели снега.

Жар индийский в обмен на снег русской зимы! Ведь это не просто детская фантазия. И виду в этом образе политическое воплощение дружбы двух народов, чистой, как снежинки, что вытесняется сейчас над Москвой, яркой, как сверкающие солнечные лучи на волнах Индийского океана, что видны из окна комнаты, где пишется эта статья.

Хваджа АХМАД АББАС, индийский писатель Бомбей. (По телеграфу)

В дни пребывания Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева в Индии. Транспарант с приветственной надписью на русском языке, какими украшены улицы Дели. Снимок А. Гаранина

Пленум правления Союза писателей Украины

Пленум правления Союза писателей Украины, работавший 2 и 3 декабря, был необычайно многолюдным. В нем участвовали делегаты республиканского совещания молодых писателей. Пленум был посвящен состоянию современной темы в украинской литературе 1955 года, а кроме того, подвел итоги совещания молодых.

С обширным докладом выступил М. Бажан. — Только на основе дальнейшего глубокого овладения методом социалистического реализма, — сказал он, — на основе совершенствования писательского мастерства может советский литератор создать подлинно народное произведение, в котором будут нарисованы действительно достойные нашей жизни, нашего народа образы передовых людей социалистического общества. До сих пор, к сожалению, остается в силе серьезный упрек, прозвучавший с трибуны Второго всеукраинского съезда писателей, упрек в том, что писатели мало творческого внимания уделяют современной жизни. Мы должны отметить, что и в этом году тема современности не заняла единственно достойного ее — ведущего места.

М. Бажан сделал далее обзор ряда произведений украинской литературы — прозы, драматургии, поэзии и критики, посвященных проблемам современности. Эта часть доклада резко критиковалась в ряде выступлений за чрезмерную обзорность.

Л. Новиченко подробно рассказал о ходе совещания молодых, указав на организационные недостатки, затем остановился на некоторых вопросах работы с литературной молодежью. В частности, Л. Новиченко с полным основанием указал на то, что работа с молодыми авторами на Украине принимает иной раз несколько односторонний характер: много внимания уделяется молодому писателю, когда он занят пером, а затем чаще всего его предоставляют самому себе. И поэтому нередко после первой книги и ряда молодых авторов следует длительная творческая пауза или вторая книга по своему уровню оказывается значительно ниже, чем первая. В связи с этим Л. Новиченко считает полезным провести в будущем году творческую конференцию молодых литераторов, написавших свои вторые книги.

В разрывившихся прениях выступили 19 человек. Н. Рыбак возразил против упрощенного понимания современной темы иными критиками и писателями.

— Современность и злободневность — разные вещи, — сказал Н. Рыбак. — Книги, ограничивающиеся узкой задачей, не охватывающие историческую перспективу, сводящие устремления советского человека лишь к маленьким будничным заботам, не выдерживают испытания временем. Книга, посвященная современности, если она написана глубоко и правдиво, живет долго. И писатель должен стремиться создавать именно такие книги.

П. Байдебур говорил о том, что украинские писатели попржнему уделяют мало внимания жизни рабочего класса, его героическим традициям, его замечательному сегодня.

— Где книги о славных арсеналах? Где произведения о людях Дарницы — нового индустриального района Киева, поднявшегося на левом берегу Днепра? Таких книг до сих пор нет.

Многие выступавшие говорили о необходимости совершенствования писательского мастерства, о постоянной творческой учебе, об освоении того величайшего опыта, который накоплен литературой. — Мы живем в такое время, — обратился к участникам пленума О. Гончар, — когда между народами идет активный обмен духовными ценностями, и чтобы успешно работать, мы не должны ограничивать себя лишь опытом украинской или русской литературы. Нам нужно знать, чем живут сегодня писатели и другие братские народы, а также, что происходит в литературе зарубежных стран, скажем, в индийской или французской. Если бы мы внимательно следили за развитием искусства в зарубежных странах, для многих из нас не было бы неожиданностью, хотя и неприятной, появление многих новых итальянских и французских кинофильмов, из которых есть чему поучиться и нашим режиссерам и сценаристам.

О. Гончар поднимался с Ю. Смоличем, говорившим на совещании молодых писателей, что характер не есть важнейший компонент художественного произведения.

— Создание полноценных, полнокровных человеческих характеров, — отметил он, — было и остается творческой целью художественной литературы. Наша проза — и классическая и современная — тем и завоевала признание и любовь народа, что в ней созданы неумирающие образы людей.

Своими впечатлениями о работе семинара драматургов на республиканском совещании молодых писателей поделился В. Сокоб. — Главная проблема, которая стоит сейчас перед молодыми драматургами, — сказал он, — умение построить пьесу. Многие пьесы написаны хорошим языком, а с композицией и сюжетом у авторов не ладится.

О слабостях, присущих творчеству молодых, о том, что заботит начинающих литераторов, говорили и другие выступавшие. Р. Братунь выразил тревогу по поводу того, что молодежь не пробует свои силы в публицистических жанрах, со страниц газет и журналов совершенно исчез памфлет. Обращаясь к опытным мастерам литературы, выступившие на пленуме начинающие писатели призвали их оказывать постоянную помощь вступающим в литературу, чаще выступать с рецензиями и статьями, разбрасывая первые книги, оценивающими работу творческой молодежи.

Серьезной критике была подвергнута работа Укркиногорга, который, по мнению участников пленума, подкупает восторженными заявлениями искусства, не проявляет интереса к положительной литературе новыми силами, узко делничски понимает свои задачи.

А. ГАЛИНСКИЙ, Л. ЛАЗАРЕВ, наши специальные корреспонденты

КИЕВ

Дни Мицкевича

МИНСК. (Наш корр.). Торжества, связанные со столетием со дня смерти Адама Мицкевича, у его родины, в Белоруссии, начались 26 ноября. Это день сотни жителей Новогрудка собрались к восстановленному дому, в котором поэт провел детские годы. В нем разместились музей Адама Мицкевича. За первые четыре дня работы музея его посетили свыше десяти тысяч человек.

Торжества продолжались 29 ноября в Минске. Зад Белорусского театра оперы и балета заполнили писатели, представители общественных организаций города, работники науки, искусства, гости, прибывшие из Варшавы, Москвы, Ленинграда, Киева и Вильноса. Вечер открыл Язуб Колас. С докладом выступил Максим Танк. С речами выступили польский поэт Владислав Броневский и профессор Краковского университета Вацлав Кубацкий.

Писатели В. Саянов, П. Усенко, М. Слуцкие, В. Азаров говорили о том, как популярны в нашей стране произведения А. Мицкевича, какой богатой сокровищницей является поэзия великого польского патриота для многих писательских поколений. М. Луцкини и К. Киренко читали свои переводы произведений великого сына польского народа.

30 ноября группа белорусских писателей и деятелей культуры совместно с гостями совершила поездку по местам, связанным с именем А. Мицкевича. В Новогрудке, у дома-музея А. Мицкевича, возник митинг. В. Броневский обратился со словами приветия к белорусам, которые так любовно чтут память своего великого земляка. После осмотра музея гости были приглашены в Дом культуры на торжественное заседание исполкома Новогрудского городского Совета депутатов трудящихся.

Хваджа АХМАД АББАС, индийский писатель Бомбей. (По телеграфу)

Вдруг казани! Как боль, отдаётся
Звон подков холодающий в груди.
Но две девушки — два знаменосца
Продолжают упрямо идти.

Конь танцует под кавалеристом.
Всадник свесился низко с седла,
Чтоб с размаху ударить — со свистом
Сабля в небо из ножен ушла.

Отступи перед смертью стальному!
Но, как выдох — из самой груди:
— Заруби! Только знамя родное
Мы живыми тебе не дадим.

Что-то дрогнуло в хватке железной.
Надломилась, обмякла рука.
Потускневшей, тулой, бесполезной
Стала сабля в руке казака.

Презирая и саблю и пулю,
Как стоят они гордо — взгляни!
Лизу Чакинну, Громова Улю
Мне напомнили сразу оп!

17 декабря 1905 года.

Мы стоим у Горбатого моста,
Как у старых окопов, один.
Возвращаться в минувшие дни.

Распрялился старик Николаев,
Старый шмитовец, стойкий боец.
Он в плечо меня тихо толкает,
Он в глаза мне глядит, как боец.

Все для памяти верной возможно.
Приумолк, призадумался он.

И усы свои крутят тревожно,
Что растут еще с царских времен.

И пошли мы... Разрыва зарница.
Свист осколков и ржанье коней...
От летучего пламени лица
У дружинников стали грозней.

Нет! Не бросит их царь на колени.
Лучше тут и умрут — не уйдут.
Словно их, несдающихся, Ленин
Сам поставил на этот рудут.

На Горбатом мосту — и ни с места.
На крововом простреленном луду
Так стоят, как защитники Бреста
В сорок первом тревожном году.

Нерушимым, бессонным заломом,
Не смыкая обветренных век...
Вдруг посыпались стекла со звоном,
Как разбитые льдинки, на снег.

Что-то свистнуло, быстро и остро.
И тогда в клубах дыма густых
На перьях Горбатого моста
Мой далекий товарищ затих.

Дым окутал его, как завеса.
И померк, помутился его взор.
Не увидев огней Днепротрасса
И сегодняшних Ленинских гор.

То ли отблеск пожара крылатый,
То ли кровь прикипела к штучку...
Если б сделалось сердце гранатой,
Я не дрогнув, сорвал бы чеку.

Пусть на помощь солдатам народа
Мы в тот час подоспеть не смогли.

Мы дружинники пятого года
В сорок первом году помогли.

Мы их знамя над строем подняли
И врагов встретив силой стальной,
Рубежей баррикады не сдали,
Не пустили их к Пресне родной.

Декабрь 1955 года.

Пахнет снегом и ветром поющим.
От огня расступается тень.
Из метро по ступенькам бегущим
Поднимаюсь в сегодняшний день.

Мы всегда с нашим прошлым
дружимся,
Словно знали о нем не из книг,
Словно сами те дни пережили,
Словно сами прошли через них.

...На Красной Пресне, у метро
Стоит дружинник на морозе.
Декабрьской стужи серебром
Сверкает на ожившей бронзе.

Стоит дружинник в полной рост,
Держа гранату наготове.
В его глазах — Горбатый мост
И Пресня, красная от крови.

На нас не смотрит сквозь года.
Глаза бездны нашей рады.
Как будто из-под пуды сюда
Пришел он прямо к баррикады.

Как много лет тому назад,
Стоит над югом Красной Пресней
Его солдат и депутат,
Победы Октября предвещник.
Юрий ЯКОВЛЕВ

Долорес Ибаррури

Не на пиру и не на фьесте —
Мы подружились в грозный час.
В большом бою мы были вместе,
Любовь и гнев сроднили нас.
В Астурии, у Овиедо,
Над Волгою и под Москвой
Одна светила нам победа,
Один вели мы долгий бой.
Великой той победы ради
С фашизмом бился ваш Мадрид,
И сын ваш в нашем Сталинграде
Фашистской пулей был убит,
И непереклоно на допросы,
На казни ваши братья шли,
И побелели ваши косы,
И ваши губы отцветли.
Но вечно молод, кто умеет
Борцом остаться до седни.
Бессмертный подвиг не стареет,
А ваша жизнь — лишь он один.
Вся жизнь — служение отчизне
В борьбе, на линии огня,
За правду и во имя жизни,
Во имя завтрашнего дня.
Вся ваша жизнь — раскаты бури.
Повсюду, где гремит гроза,
Порыв Долорес Ибаррури,
Пассионарии глаза.
И ваша правда, ваше дело,
Идея, сблизившая нас,
Не старилась, а молодела,
Чудесной явью становясь,
Всегда зовущая вперед,
В полях Вьетнама и Китая
Укоренилась и расцвел,
И сень ветвей ее все шире,
Она все выше, что ни час.
Долорес! Значит, в целом мире
Нет никого моложе нас.
И беспредельно чист и ярок
Великой нашей правды свет.
Долорес, это вам в подарок,
И ничего дороже нет.
За это вы сражались в гуще
Событий века своего,
И коммунизма день грядущий,
Он — ваш! Вы бились за него.
И с каждым днем, что вам
прожит,
И чем он зримей, вы — моложе,
И чем он ближе, вы — сильнее!

Маргарита АЛИГЕР

Обсуждение романа-хроник А. Запотоцкого

В январе 1905 года в пражском сборнике социал-демократической молодежи появилось замечательное стихотворение, призывавшее протестовать против насилия и в бой за свою свободу. Оно принадлежало молодому, неизвестному тогда поэту Антониу Запотоцкому.

Прошло 50 лет. Сегодня имя Антонина Запотоцкого — президента Чехословацкой Республики и выдающегося писателя широко известно. Его книги «Встанут новые бои», «Бурный 1905 год», «Красное зарево над Кладно», переведенные на многие языки мира, пользуются заслуженной популярностью.

Обсуждению романа-хроники А. Запотоцкого «Бурный 1905 год» была посвящена конференция, состоявшаяся 6 декабря в Государственной публичной исторической библиотеке в Москве под председательством А. Первенева. Читатели тепло встретили приехавших на конференцию чешских и словацких писателей: Яна Дрды, И. Секера, П. Карлаша, Я. Пиларжа, В. Миняча, Ц. Штиглицкого, З. Есенку, академика Я. Мухаржовского заместителя министра культуры Чехословакии В. Дюдику и советника посольства Чехословацкой Республики в СССР И. Каллеца.

С. Шмераль кратко охарактеризовал путь Антонина Запотоцкого — трибуна и борца, боевой дух и полнокровную народность его произведений. Читатели Л. Карлова, Л. Макева, Н. Рыбарев говорили о глубоком интересе советских людей к чехословацкой литературе.

Тепло было встречено выступление председателя Союза писателей Чехословакия Яна Дрды. Он остановился на характерных чертах творчества Запотоцкого, глубокой народности, интернационализме созданных им произведений.

Академик Ян Мухаржовский, отвечая на вопросы участников конференции, говорил о задачах, выдвигаемых жизнью перед писателями.

В заключение выступил Б. Полевой, поделившийся своими впечатлениями от встреч с Антонином Запотоцким.

Нам, советским читателям, эти книги особенно дороги потому, что в них высказаны художник рассказы правду о том, как росла дружба русского и чехословацкого народов, — заявил Б. Полевой.

Участники конференции направили Антониу Запотоцкому письмо с выражением признательности за созданный им книгу.

ПЛАНЫ НА 1956 ГОД

Рассказывают редакторы журналов

ЮНОСТЬ

Сейчас, когда вышло шестое номер «Юности», можно, пожалуй, говорить о том, что лицо журнала более или менее определилось. Он расчитан на юношей и девушек, на старших школьников и на тех, кто кончает школу и должен решать свою дальнейшую судьбу. При составлении плана будущего года мы учли много пожеланий, высказанных ими в письмах и на читательских конференциях.

Журнал называется литературно-художественным и общественно-политическим. Наука и литература, мы публикуем научные интересные повести А. Адамова «Дело пестрых», в которой рассказывается о борьбе с преступным миром и о мужественной работе милиции. Думаю, что повесть получит широкое звучание. В 1956 году появятся повести: Л. Кассила «Хрустальный кубок», А. Рыбакова «Бронзовая птица», которая является продолжением «Кортки», повесть В. Коженикова о китайском мальчике, произведения А. Алексина, А. Кононова, Б. Зубавина и других. В следующем номере начнется публикация моего романа «Куратор в степи».

Читатели знакомятся с новыми рассказами Н. Носова, В. Дегина, Б. Силва и других. В разделе поэзии хочу упомянуть новую поэму Микола Упенника «Два дня», рассказывающую о

Прошло долгих двадцать лет...

Владимир ПОПОВ

Во время поездки по крупнейшим металлургическим заводам страны меня неоднократно спрашивали: как же так получилось, что мы, советские металлурги, имея приоритет двадцатилетней давности в области применения кислорода в сталеплавлении, оказались в этом деле позади зарубежной металлургии? Что конкретно делается сейчас для ликвидации отставания?

Вопросы эти возникли в связи со статьей академика И. П. Бардина «За технический прогресс в черной металлургии», опубликованной в газете «Труд» 16 августа 1955 года.

Ответ пришлось искать в журналах, архивах, в институтах, на заводах.

И вот та неприглядная, но поучительная картина, которая возникла перед моими глазами.

21 апреля 1933 года в Академии наук СССР инженер Николай Илларионович Мозговой доложил о новом способе увеличения производительности сталеплавления агрегатов путем применения кислородного дутья.

Поскольку мы решили привлечь внимание общественности к проблемам кислородного дутья, думаем, что не лишне будет коротко, в самых общих чертах объяснить суть предложения Мозгового.

Сталь, как известно, выплавляется в жаргонных печах и конвертерах (аппаратах грушевидной формы, в которых жидкий чугун продувается воздухом и превращается в сталь).

Строительство конвертеров намного дешевле мартеновских печей соответствующей производительности. Процесс плавки стали в них протекает намного быстрее. Но мартеновская сталь по качеству значительно превосходит конвертерную, которая имеет поэтому ограниченное применение.

Что же дает предложение Н. Мозгового сталеплавления? Когда внутри мартеновской печи, в расплавленный металл, вводится струя кислорода, продолжительность плавки сокращается, и с одной и той же леги можно получить в полтора-два раза больше стали. Еще более разительные изменения происходят при продувке чугуна кислородом в конвертерах: появляется возможность перерабатывать менее дефицитный и более дешевой чугун, а качество стали резко улучшается, не уступая мартеновской. Так применение кислорода открыло новую страницу в истории техники выплавки стали.

Как же оценили в Академии наук СССР, где также рассматривался этот вопрос, смелую новаторскую идею советского инженера?

Перед нашими глазами постановление технической группы Академии наук СССР от 8 февраля 1934 года по открытию Мозгового. В нем сказано, что техническая группа считает проведение опытов нецелесообразным.

Целовое, болельщик пожелавший от времени архивные материалы. Пусть каждый, берущий в руки перо для того, чтобы решить судьбу изобретения, вспоминает, что даже крупнейшие ученые совершают иногда ошибки, поймет, что на основе одних только теоретических представлений нельзя делать окончательные выводы.

Сейчас, когда кислородное дутье признают мощным интенсификатором металлургических процессов, когда польский Пеллун ЦК КПСС поставил перед металлургами задачу всемерно внедрять кислород в производство, горькую уместную выливает такое постановление:

«Можно ожидать, что реакция окисления примесей примет взрывной характер, опасный не только для печи, но и для обслуживающего ее персонала».

«Если предложение поданы дутья в ванну мартеновской печи может себе изобретатель (подчеркнуто мной. — В. П.)... то по отношению к конвертеру такого изобретения нет: даже атмосферный воздух позволяет окислять окислять окислять очень быстро... Если бы оказались возможным вести продувку чистым кислородом, в чем можно сомневаться ввиду вероятности взрыва, то...»

Далее следуют ссылки на стойкость конвертера и на невозможность регулировать состав металла.

Такое решение могло наглухо закрыть дорогу изобретателю и его идее, но Мозговой не сдали. С помощью академика Илларинова, поручившегося за то, что взрывов не произойдет, Мозговой организовал в лаборатории Академии наук СССР специальные исследования. В расплавленный чугун неоднократно вводили струю чистого кислорода и доказали: взрывов не бывает.

В 1936 году Украинская академия наук провела на московском заводе «Серп и молот» несколько опытных плавов стали в мартенах, вводя кислород в расплавленный металл. Опыты не только полностью подтвердили теоретические предположения изобретателя, но и открыли новые возможности применения кислорода в металлургии.

Спустя несколько лет в Киеве на заводе «Большевик» Мозговой провел первые опыты по продувке кислородом чугуна в ковшах: опыты были настолько успешными, что в 1942 году, в тяжелое для страны время, правительство обязало металлургов повторить их на Костромском металлургии

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Прошло долгих двадцать лет...

Владимир ПОПОВ

В небе детали фашистские стравлялись, а на «Подземгазе» устанавливали вакуумированный из Горького кислородный агрегат, тянувший четырехкилометровый кислородопровод. И здесь в обычных ковшовых без всяких хитрых приспособлений получали из чугуна сталь.

А в 1945 году Мозговой добился еще одной победы. На московском заводе «Динамо» при содействии рабочих и инженеров завода был изготовлен и пущен первый в мире конвертер, в котором чугун при помощи чистого кислорода превращался в сталь. Такие конвертеры появились и на других машиностроительных заводах. Они работают и по сей день.

Декларации и дела Казалось, что попросивший и совершенный ясен. Мартеновские печи резко увеличивают свою производительность, а в конвертерах можно получать сталь, по качеству равную мартеновской. Казалось, что научно-исследовательские организации, после того, как экспериментальные работы инженера Мозгового доказали, что невозможное стало возможным, дружно возьмутся за разработку методов использования кислорода и будут действовать в этом направлении упорно, повседневно, потому что только такие действия ведут к окончательной победе. Но этого не произошло, опыты велись от случая к случаю, продолжались бесплодные споры.

Тем временем в американском специальном журнале химического машиностроения была помещена статья д-ра Ирвинга Ленгмюра о его поездке в СССР, в которой было рассказано о наших исканиях в области кислородного дутья.

Любопытна реакция на эту статью. В январском номере журнала «Айрон Эйдж» («Железный век») за 1947 год был напечатан обзор статей предыдущего года, и в нем такие строки:

«В начале года был опубликован доклад Ирвинга Ленгмюра о его поездке в Россию, в котором автор делает обзор работ, проделанной в этой стране в области промышленного производства кислорода и его использования в производстве стали. Ссылка Ленгмюра на русское издание «Кислород» вызвала в нашей стране чуть ли не скрупулезную драку за то, чтобы раздобыть экземпляры этого журнала... Немогим удалось выписать, занять или стащить экземпляры «Кислорода».

И уже в 1947 году американские журналы публикуют статьи об экспериментальных работах по применению кислорода в мартеновских печах. Эксперименты проводились так широко, что в конце 1951 года советские инженеры Янсука и Станевич смогли подготовить вступ... о применении кислорода в мартеновском производстве за рубежом.

Вот почему я не мог спокойно читать в газете «Труд» следующие строки статьи академика Бардина:

«В зарубежных странах кислород применяют на сотнях мартеновских печей, у нас же только на десятках».

«Мало делается для того, чтобы освоить введение кислорода в мартеновские печи».

«Необходимо освоить выплавку конвертерной стали с низким содержанием азота и с высокими механическими свойствами... По этому пути уже несколько лет идет металлургия в странах Западной Европы, а в самое последнее время на него ступает и металлургия США и Канады. Давно следует обратиться на него внимание и нашим металлургам».

Да, далеко не лестными словами вспоминаю, читая эти строки, деятельность наших институты рабочие киевского завода «Большевик», которые еще в 1938 году с исключительным пониманием и заинтересованностью помогали Мозговому вести продувку кислородом чугуна в ковшах. А рабочие-монтажники, которые под обстрелом фашистских самолетов тянули в Костромской заводе четырехкилометровый кислородопровод? А рабочие и инженеры московского завода «Динамо», за 29 дней изготовившие и установившие конвертер? Разве все это делалось для того, чтобы наши отечественные открытия годами пролежали в тиши научных кабинетов и потом шествовали по зарубежным странам, минуя нашу Родину?

Прошло двадцать лет...

В наших мартеновских печах сегодня применяют простейший способ использования кислорода — продувку в факеп пламени. Способ инженера Мозгового находится в стадии экспериментирования. Конструкторы создали всего лишь три формунки (далеко не идеальный) и не думают об усовершенствовании ее.

А как же обстоит дело с продувкой чугуна в ковшах, со способом, который позволяет ему по пути из доменной печи к мартеновскому удалять из чугуна некоторую часть примесей, что значительно ускоряет мартеновскую плавку?

О нем забыли.

Институт металлургии Академии наук СССР уделял минимальное внимание проблемам введения кислорода в мартеновское производство. Почему? Не потому ли, что там считают своей задачей возродить только фундамент науки? А УФАИ? Этот Уральский филиал Академии наук занимался кислородом, но, признавая учено

Рассказы о Фучике

Юлиус Фучик. Кому не знакомо это имя? Кто не читал бесмертного «Репортажа с петлей на шее», не любил его мужественного автора? Национальный герой чехословацкого народа давно уже стал одним из самых близких, самых любимых наших героев. А о любимом герое, как о любимом человеке, всегда хочется многое знать. Нам известно о подвиге Фучика, о его героической смерти, но мало — о бытовом его — о его не менее героичной жизни. Предисловия, журнальные и газетные статьи, брошюры — даже хорошие предисловия, хорошие статьи и брошюры, — разве могут они дать полное представление об всем разнообразии его кипучей деятельности, об всем богатстве его многогранной личности? Конечно, нет. Читатель недостаточно подробно безглаголосно перечисления основных фактов биографии. Он хочет знать о Фучике как о живом человеке, как о личности — все, вплоть до «мелочей», хочет видеть его таким, каким он был в жизни. Он ждет подробного, достоверного рассказа о Фучике от тех, кто знал его лично, кто вместе с ним жил, трудился, боролся. Вот почему с таким большим интересом встречены «Рассказы о Юлиусе Фучике» Иры Радволиной («Новый мир», №№ 9, 10 за 1955 год), посвященные одному из самых важных периодов в жизни Фучика — времени его пребывания в СССР в качестве корреспондента газеты «Руде право» (1934—1936 гг.).

В основе рассказов И. Радволиной — личные наблюдения, личные воспоминания, дневник автора. Жена одного из друзей Фучика, И. Радволина хорошо знала писателя в его «московский» период; она сообщила о тех событиях, разговорах, случаях из жизни, свидетелем и участником которых она была. Мы узнаем о Фучике нового, интересного, его мысли по тем или иным вопросам, факты из биографии, его характер, склонности, привычки, его манеру работать, слушать, убеждать.

Вот Фучик беседует о нашей советской литературе, о том, как лучше пропагандировать ее у себя на родине.

Коммунист должен знать все! — это его глубочайшее убеждение. И Фучик читает книги по истории и физике, по астрономии и медицине, читает массу художественной литературы — современной и классической.

Фучик восхищается одной из старейших русских коммунисток, некогда работавшей с В. И. Лениным, — простой, скромной женщиной, беззаветно преданной делу революции, и с насмешкой отзывается о тех, кто «жесток» собой революция: «Они ведь не понимают, что жертвуют собой, когда селят? Или когда селят? Это их организаторское проявление. А вот революция они жертвуют собой... И понимаешь, они оценивают себя обязательно выше тех, ради которых «жертвовали» собой... И когда цель достигнута — они не прочь возместить свою жертву: кто славою, а кто материальным благополучием... А вот сумей делать важнейшее для своего народа дело просто, скромно, незаметно...»

Когда задумываешься о том главным в облике Фучика, что определяло собой все его поведение, всю его деятельность, то приходишь к такому выводу: — чехословацкая. Эту черту Фучика И. Радволина ярко раскрывает в своих рассказах (один из них так и озаглавлен «Чехословацкой»). У сотрудника плохая комната, у уборщицы заболел сын, в семье знакомых некрасивая ссора, вахтер К. бросил учиться — все это волнует Фучика.

Он трогательно заботится о друге: «Ты совсем измотался, на, возьми, пей томатного; тебе холодно в кепке теперь ходи. Я купил нам по шапке». — и Фучик сам смеется игре слов, которая невольно приходит ему в голову: «Это вместо того, чтобы нам дали по шапке друге».

Фучик каждому готов помочь. Не для себя ему очень мало надо. Ему дали лучший номер в гостинице «Европа», но он попросил подыскать для него что-нибудь «поскромнее». В Москве тогда была еще карточная система. Ему предлодили специальное снабжение. Он отказался. «Я хочу жить, как все советские люди живут».

Глубокая человечность, любовь к людям, стремление помочь им, научить их жить лучше — все это привело Фучика в великой правде коммунизма.

И вот мы видим Фучика-агитатора, Фучика-пропагандиста. Агитация для него не то или иное «мероприятие», которое нужно «сделать на должном уровне», а сама жизнь. Беседует ли он со знакомыми, показывает ли своим соотечественникам достопримечательности Москвы, выслушивает ли перед рабочими, пишет ли статью или книгу, — всегда он настойчиво и тонко, умело убеждает в том, в чем убежден сам. Больше всего в своей пропагандистской работе он боится нарушить чувство меры. Для этого даже придумал специальный «домашний» термин: «переносить» (по аналогии с очень популярным Фучиком русским «перепорчить»): «Чуть переключил — и уже отключил читателя, вызвал его недоверие к тому, что тебе дороже всего...»

Еще один рассказ: «Я ведь не гость...», и перед нами предстает Фучик с еще одной, новой стороны. Он не может быть зрителем, равнодушно наблюдающим за всем происходящим вокруг. Не может не вмешиваться, если видит, что что-то делается не так, как надо. Ему до всего есть дело. Он не согласен с заниженной оценкой последнего советского кинофильма и с торжественно доказывает, что хотя тема чрезвычайно важна, но разрешения упрекну, прилично, что больше полны в этом фильме — «кич», зубок...

Рассказы о Фучике

Юлиус Фучик. Кому не знакомо это имя? Кто не читал бесмертного «Репортажа с петлей на шее», не любил его мужественного автора? Национальный герой чехословацкого народа давно уже стал одним из самых близких, самых любимых наших героев. А о любимом герое, как о любимом человеке, всегда хочется многое знать. Нам известно о подвиге Фучика, о его героической смерти, но мало — о бытовом его — о его не менее героичной жизни. Предисловия, журнальные и газетные статьи, брошюры — даже хорошие предисловия, хорошие статьи и брошюры, — разве могут они дать полное представление об всем разнообразии его кипучей деятельности, об всем богатстве его многогранной личности? Конечно, нет. Читатель недостаточно подробно безглаголосно перечисления основных фактов биографии. Он хочет знать о Фучике как о живом человеке, как о личности — все, вплоть до «мелочей», хочет видеть его таким, каким он был в жизни. Он ждет подробного, достоверного рассказа о Фучике от тех, кто знал его лично, кто вместе с ним жил, трудился, боролся. Вот почему с таким большим интересом встречены «Рассказы о Юлиусе Фучике» Иры Радволиной («Новый мир», №№ 9, 10 за 1955 год), посвященные одному из самых важных периодов в жизни Фучика — времени его пребывания в СССР в качестве корреспондента газеты «Руде право» (1934—1936 гг.).

В основе рассказов И. Радволиной — личные наблюдения, личные воспоминания, дневник автора. Жена одного из друзей Фучика, И. Радволина хорошо знала писателя в его «московский» период; она сообщила о тех событиях, разговорах, случаях из жизни, свидетелем и участником которых она была. Мы узнаем о Фучике нового, интересного, его мысли по тем или иным вопросам, факты из биографии, его характер, склонности, привычки, его манеру работать, слушать, убеждать.

Вот Фучик беседует о нашей советской литературе, о том, как лучше пропагандировать ее у себя на родине.

Коммунист должен знать все! — это его глубочайшее убеждение. И Фучик читает книги по истории и физике, по астрономии и медицине, читает массу художественной литературы — современной и классической.

Фучик восхищается одной из старейших русских коммунисток, некогда работавшей с В. И. Лениным, — простой, скромной женщиной, беззаветно преданной делу революции, и с насмешкой отзывается о тех, кто «жесток» собой революция: «Они ведь не понимают, что жертвуют собой, когда селят? Или когда селят? Это их организаторское проявление. А вот революция они жертвуют собой... И понимаешь, они оценивают себя обязательно выше тех, ради которых «жертвовали» собой... И когда цель достигнута — они не прочь возместить свою жертву: кто славою, а кто материальным благополучием... А вот сумей делать важнейшее для своего народа дело просто, скромно, незаметно...»

Когда задумываешься о том главным в облике Фучика, что определяло собой все его поведение, всю его деятельность, то приходишь к такому выводу: — чехословацкая. Эту черту Фучика И. Радволина ярко раскрывает в своих рассказах (один из них так и озаглавлен «Чехословацкой»). У сотрудника плохая комната, у уборщицы заболел сын, в семье знакомых некрасивая ссора, вахтер К. бросил учиться — все это волнует Фучика.

Он трогательно заботится о друге: «Ты совсем измотался, на, возьми, пей томатного; тебе холодно в кепке теперь ходи. Я купил нам по шапке». — и Фучик сам смеется игре слов, которая невольно приходит ему в голову: «Это вместо того, чтобы нам дали по шапке друге».

Фучик каждому готов помочь. Не для себя ему очень мало надо. Ему дали лучший номер в гостинице «Европа», но он попросил подыскать для него что-нибудь «поскромнее». В Москве тогда была еще карточная система. Ему предлодили специальное снабжение. Он отказался. «Я хочу жить, как все советские люди живут».

Глубокая человечность, любовь к людям, стремление помочь им, научить их жить лучше — все это привело Фучика в великой правде коммунизма.

И вот мы видим Фучика-агитатора, Фучика-пропагандиста. Агитация для него не то или иное «мероприятие», которое нужно «сделать на должном уровне», а сама жизнь. Беседует ли он со знакомыми, показывает ли своим соотечественникам достопримечательности Москвы, выслушивает ли перед рабочими, пишет ли статью или книгу, — всегда он настойчиво и тонко, умело убеждает в том, в чем убежден сам. Больше всего в своей пропагандистской работе он боится нарушить чувство меры. Для этого даже придумал специальный «домашний» термин: «переносить» (по аналогии с очень популярным Фучиком русским «перепорчить»): «Чуть переключил — и уже отключил читателя, вызвал его недоверие к тому, что тебе дороже всего...»

Еще один рассказ: «Я ведь не гость...», и перед нами предстает Фучик с еще одной, новой стороны. Он не может быть зрителем, равнодушно наблюдающим за всем происходящим вокруг. Не может не вмешиваться, если видит, что что-то делается не так, как надо. Ему до всего есть дело. Он не согласен с заниженной оценкой последнего советского кинофильма и с торжественно доказывает, что хотя тема чрезвычайно важна, но разрешения упрекну, прилично, что больше полны в этом фильме — «кич», зубок...

Рассказы о Фучике

Юлиус Фучик. Кому не знакомо это имя? Кто не читал бесмертного «Репортажа с петлей на шее», не любил его мужественного автора? Национальный герой чехословацкого народа давно уже стал одним из самых близких, самых любимых наших героев. А о любимом герое, как о любимом человеке, всегда хочется многое знать. Нам известно о подвиге Фучика, о его героической смерти, но мало — о бытовом его — о его не менее героичной жизни. Предисловия, журнальные и газетные статьи, брошюры — даже хорошие предисловия, хорошие статьи и брошюры, — разве могут они дать полное представление об всем разнообразии его кипучей деятельности, об всем богатстве его многогранной личности? Конечно, нет. Читатель недостаточно подробно безглаголосно перечисления основных фактов биографии. Он хочет знать о Фучике как о живом человеке, как о личности — все, вплоть до «мелочей», хочет видеть его таким, каким он был в жизни. Он ждет подробного, достоверного рассказа о Фучике от тех, кто знал его лично, кто вместе с ним жил, трудился, боролся. Вот почему с таким большим интересом встречены «Рассказы о Юлиусе Фучике» Иры Радволиной («Новый мир», №№ 9, 10 за 1955 год), посвященные одному из самых важных периодов в жизни Фучика — времени его пребывания в СССР в качестве корреспондента газеты «Руде право» (1934—1936 гг.).

В основе рассказов И. Радволиной — личные наблюдения, личные воспоминания, дневник автора. Жена одного из друзей Фучика, И. Радволина хорошо знала писателя в его «московский» период; она сообщила о тех событиях, разговорах, случаях из жизни, свидетелем и участником которых она была. Мы узнаем о Фучике нового, интересного, его мысли по тем или иным вопросам, факты из биографии, его характер, склонности, привычки, его манеру работать, слушать, убеждать.

Вот Фучик беседует о нашей советской литературе, о том, как лучше пропагандировать ее у себя на родине.

Коммунист должен знать все! — это его глубочайшее убеждение. И Фучик читает книги по истории и физике, по астрономии и медицине, читает массу художественной литературы — современной и классической.

Фучик восхищается одной из старейших русских коммунисток, некогда работавшей с В. И. Лениным, — простой, скромной женщиной, беззаветно преданной делу революции, и с насмешкой отзывается о тех, кто «жесток» собой революция: «Они ведь не понимают, что жертвуют собой, когда селят? Или когда селят? Это их организаторское проявление. А вот революция они жертвуют собой... И понимаешь, они оценивают себя обязательно выше тех, ради которых «жертвовали» собой... И когда цель достигнута — они не прочь возместить свою жертву: кто славою, а кто материальным благополучием... А вот сумей делать важнейшее для своего народа дело просто, скромно, незаметно...»

Когда задумываешься о том главным в облике Фучика, что определяло собой все его поведение, всю его деятельность, то приходишь к такому выводу: — чехословацкая. Эту черту Фучика И. Радволина ярко раскрывает в своих рассказах (один из них так и озаглавлен «Чехословацкой»). У сотрудника плохая комната, у уборщицы заболел сын, в семье знакомых некрасивая ссора, вахтер К. бросил учиться — все это волнует Фучика.

Он трогательно заботится о друге: «Ты совсем измотался, на, возьми, пей томатного; тебе холодно в кепке теперь ходи. Я купил нам по шапке». — и Фучик сам смеется игре слов, которая невольно приходит ему в голову: «Это вместо того, чтобы нам дали по шапке друге».

Фучик каждому готов помочь. Не для себя ему очень мало надо. Ему дали лучший номер в гостинице «Европа», но он попросил подыскать для него что-нибудь «поскромнее». В Москве тогда была еще карточная система. Ему предлодили специальное снабжение. Он отказался. «Я хочу жить, как все советские люди живут».

Глубокая человечность, любовь к людям, стремление помочь им, научить их жить лучше — все это привело Фучика в великой правде коммунизма.

И вот мы видим Фучика-агитатора, Фучика-пропагандиста. Агитация для него не то или иное «мероприятие», которое нужно «сделать на должном уровне», а сама жизнь. Беседует ли он со знакомыми, показывает ли своим соотечественникам достопримечательности Москвы, выслушивает ли перед рабочими, пишет ли статью или книгу, — всегда он настойчиво и тонко, умело убеждает в том, в чем убежден сам. Больше всего в своей пропагандистской работе он боится нарушить чувство меры. Для этого даже придумал специальный «домашний» термин: «переносить» (по аналогии с очень популярным Фучиком русским «перепорчить»): «Чуть переключил — и уже отключил читателя, вызвал его недоверие к тому, что тебе дороже всего...»

Еще один рассказ: «Я ведь не гость...», и перед нами предстает Фучик с еще одной, новой стороны. Он не может быть зрителем, равнодушно наблюдающим за всем происходящим вокруг. Не может не вмешиваться, если видит, что что-то делается не так, как надо. Ему до всего есть дело. Он не согласен с заниженной оценкой последнего советского кинофильма и с торжественно доказывает, что хотя тема чрезвычайно важна, но разрешения упрекну, прилично, что больше полны в этом фильме — «кич», зубок...

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Прошло долгих двадцать лет...

Владимир ПОПОВ

Вот почему я не мог спокойно читать в газете «Труд» следующие строки статьи академика Бардина:

«В зарубежных странах кислород применяют на сотнях мартеновских печей, у нас же только на десятках».

«Мало делается для того, чтобы освоить введение кислорода в мартеновские печи».

«Необходимо освоить выплавку конвертерной стали с низким содержанием азота и с высокими механическими свойствами... По этому пути уже несколько лет идет металлургия в странах Западной Европы, а в самое последнее время на него ступает и металлургия США и Канады. Давно следует обратиться на него внимание и нашим металлургам».

Да, далеко не лестными словами вспоминаю, читая эти строки, деятельность наших институты рабочие киевского завода «Большевик», которые еще в 1938 году с исключительным пониманием и заинтересованностью помогали Мозговому вести продувку кислородом чугуна в ковшах. А рабочие-монтажники, которые под обстрелом фашистских самолетов тянули в Костромской заводе четырехкилометровый кислородопровод? А рабочие и инженеры московского завода «Динамо», за 29 дней изготовившие и установившие конвертер? Разве все это делалось для того, чтобы наши отечественные открытия годами пролежали в тиши научных кабинетов и потом шествовали по зарубежным странам, минуя нашу Родину?

Прошло двадцать лет...

В наших мартеновских печах сегодня применяют простейший способ использования кислорода — продувку в факеп пламени. Способ инженера Мозгового находится в стадии экспериментирования. Конструкторы создали всего лишь три формунки (далеко не идеальный) и не думают об усовершенствовании ее.

А как же обстоит дело с продувкой чугуна в ковшах, со способом, который позволяет ему по пути из доменной печи к мартеновскому удалять из чугуна некоторую часть примесей, что значительно ускоряет мартеновскую плавку?

О нем забыли.

Институт металлургии Академии наук СССР уделял минимальное внимание проблемам введения кислорода в мартеновское производство. Почему? Не потому ли, что там считают своей задачей возродить только фундамент науки? А УФАИ? Этот Уральский филиал Академии наук занимался кислородом, но, признавая учено

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Прошло долгих двадцать лет...

Владимир ПОПОВ

Вот почему я не мог спокойно читать в газете «Труд» следующие строки статьи академика Бардина:

«В зарубежных странах кислород применяют на сотнях мартеновских печей, у нас же только на десятках».

«Мало делается для того, чтобы освоить введение кислорода в мартеновские печи».

«Необходимо освоить выплавку конвертерной стали с низким содержанием азота и с высокими механическими свойствами... По этому пути уже несколько лет идет металлургия в странах Западной Европы, а в самое последнее время на него ступает и металлургия США и Канады. Давно следует обратиться на него внимание и нашим металлургам».

Да, далеко не лестными словами вспоминаю, читая эти строки, деятельность наших институты рабочие киевского завода «Большевик», которые еще в 1938 году с исключительным пониманием и заинтересованностью помогали Мозговому вести продувку кислородом чугуна в ковшах. А рабочие-монтажники, которые под обстрелом фашистских самолетов тянули в Костромской заводе четырехкилометровый кислородопровод? А рабочие и инженеры московского завода «Динамо», за 29 дней изготовившие и установившие конвертер? Разве все это делалось для того, чтобы наши отечественные открытия годами пролежали в тиши научных кабинетов и потом шествовали по зарубежным странам, минуя нашу Родину?

Прошло двадцать лет...

В наших мартеновских печах сегодня применяют простейший способ использования кислорода — продувку в факеп пламени. Способ инженера Мозгового находится в стадии экспериментирования. Конструкторы создали всего лишь три формунки (далеко не идеальный) и не думают об усовершенствовании ее.

А как же обстоит дело с продувкой чугуна в ковшах, со способом, который позволяет ему по пути из доменной печи к мартеновскому удалять из чугуна некоторую часть примесей, что значительно ускоряет мартеновскую плавку?

О нем забыли.

Институт металлургии Академии наук СССР уделял минимальное внимание проблемам введения кислорода в мартеновское производство. Почему? Не потому ли, что там считают своей задачей возродить только фундамент науки? А УФАИ? Этот Уральский филиал Академии наук занимался кислородом, но, признавая учено

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Прошло долгих двадцать лет...

Владимир ПОПОВ

Вот почему я не мог спокойно читать в газете «Труд» следующие строки статьи академика Бардина:

«В зарубежных странах кислород применяют на сотнях мартеновских печей, у нас же только на десятках».

«Мало делается для того, чтобы освоить введение кислорода в мартеновские печи».

«Необходимо освоить выплавку конвертерной стали с низким содержанием азота и с высокими механическими свойствами... По этому пути уже несколько лет идет металлургия в странах Западной Европы, а в самое последнее время на него ступает и металлургия США и Канады. Давно следует обратиться на него внимание и нашим металлургам».

Да, далеко не лестными словами вспоминаю, читая эти строки, деятельность наших институты рабочие киевского завода «Большевик», которые еще в 1938 году с исключительным пониманием и заинтересованностью помогали Мозговому вести продувку кислородом чугуна в ковшах. А рабочие-монтажники, которые под обстрелом фашистских самолетов тянули в Костромской заводе четырехкилометровый кислородопровод? А рабочие и инженеры московского завода «Динамо», за 29 дней изготовившие и установившие конвертер? Разве все это делалось для того, чтобы наши отечественные открытия годами пролежали в тиши научных кабинетов и потом шествовали по зарубежным странам, минуя нашу Родину?

Прошло двадцать лет...

В наших мартеновских печах сегодня применяют простейший способ использования кислорода — продувку в факеп пламени. Способ инженера Мозгового находится в стадии экспериментирования. Конструкторы создали всего лишь три формунки (далеко не идеальный) и не думают об усовершенствовании ее.

А как же обстоит дело с продувкой чугуна в ковшах, со способом, который позволяет ему по пути из доменной печи к мартеновскому удалять из чугуна некоторую часть примесей, что значительно ускоряет мартеновскую плавку?

О нем забыли.

Институт металлургии Академии наук СССР уделял минимальное внимание проблемам введения кислорода в мартеновское производство. Почему? Не потому ли, что там считают своей задачей возродить только фундамент науки? А УФАИ? Этот Уральский филиал Академии наук занимался кислородом, но, признавая учено

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Прошло долгих двадцать лет...

Владимир ПОПОВ

Вот почему я не мог спокойно читать в газете «Труд» следующие строки статьи академика Бардина:

«В зарубежных странах кислород применяют на сотнях мартеновских печей, у нас же только на десятках».

«Мало делается для того, чтобы освоить введение кислорода в мартеновские печи».

«Необходимо освоить выплавку конвертерной стали с низким содержанием азота и с высокими механическими свойствами... По этому пути уже несколько лет идет металлургия в странах Западной Европы, а в самое последнее время на него ступает и металлургия США и Канады. Давно следует обратиться на него внимание и нашим металлургам».

Да, далеко не лестными словами вспоминаю, читая эти строки, деятельность наших институты рабочие киевского завода «Большевик», которые еще в 1938 году с исключительным пониманием и заинтересованностью помогали Мозговому вести продувку кислородом чугуна в ковшах. А рабочие-монтажники, которые под обстрелом фашистских самолетов тянули в Костромской заводе четырехкилометровый кислородопровод? А рабочие и инженеры московского завода «Динамо», за 29 дней изготовившие и установившие конвертер? Разве все это делалось для того, чтобы наши отечественные открытия годами пролежали в тиши научных кабинетов и потом шествовали по зарубежным странам, минуя нашу Родину?

Прошло двадцать лет...

В наших мартеновских печах сегодня применяют простейший способ использования кислорода — продувку в факеп пламени. Способ инженера Мозгового находится в стадии экспериментирования. Конструкторы создали всего лишь три формунки (далеко не идеальный) и не думают об усовершенствовании ее.

А как же обстоит дело с продувкой чугуна в ковшах, со способом, который позволяет ему по пути из доменной печи к мартеновскому удалять из чугуна некоторую часть примесей, что значительно ускоряет мартеновскую плавку?

О нем забыли.

Институт металлургии Академии наук СССР уделял минимальное внимание проблемам введения кислорода в мартеновское производство

Что происходит на Кипре

Народ Кипра продолжает упорную борьбу за свое национальное освобождение. То здесь, то там — в городах и селах — возникают мощные демонстрации протеста, перерастающие в открытые выступления против колониального режима. Английская полиция и войска применяют оружие и слезоточивые газы, производят массовые аресты населения. 26 ноября было объявлено о введении чрезвычайного положения на всей территории Кипра, смертной казни за ношение оружия и вооруженное нападение и порки для молодежи, не достигшей 18 лет. Для 12 тысяч английских солдат на Кипре введен «режим военного времени», подобно тому, который последние годы установлен в Кении и Малайе.

«Небольшой остров Кипр превращен в оцепеневший военный лагерь», — рассказывает о положении на острове корреспондент Юнайтед Пресс Питер Уэбб. — Каждый полицейский участок и военный лагерь превращены в крепость: они окружены колючей проволокой, на крышах сторожевых постов уложены мешки с песком. Английским военнослужащим, получающим увольнительные, запрещается появляться на улицах Никосии (столица Кипра). — Ред.) с наступлением темноты до рассвета, а у всех, кто входит в правительственные здания, ищут оружие.

По ночам на улицах не видно людей, во всех отдаленных английских домах окна закрыты ставнями или железными решетками.

Американский корреспондент умалчивает о подлинных причинах волнений на Кипре. Между тем они очень глубоки. 80 процентов полу-миллионного населения острова — греки. Они настаивают на предоставлении им права на самоопределение, на отмене колониального режима с тем, чтобы народ мог сам решить вопрос о воссоединении с Грецией или о самостоятельности острова. Греческое правительство поддерживает требования населения Кипра.

Но Кипр — не только английская колония, но и база НАТО. Здесь, в глубокой бухте, создана крупная стоянка для военно-морских сил, построены аэродромы и военные склады. Английская и американская печать не скрывает, что США и Англия заинтересованы в сохранении своих позиций на острове. «Англия должна обеспечить безопасность этой базы не только в своих собственных интересах, но и в интересах безопасности всего Западного Союза», — пишет лондонская газета «Таймс».

Общественность Англии выражает недовольство британской политикой на Кипре. Английский журнал «Нью-стейтсмен энд нейшн» настаивает, чтобы британское правительство назначило дату предоставления самоопределения Кипру, немедленно отменило чрезвычайное положение и освободило всех политических заключенных. На днях 1200 студентов Оксфордского университета подали петицию протеста против расправ на Кипре. Студенты требуют предоставления Кипру права на самоопределение.

Борьба народа Кипра за свои права нарастает. На снимках: сверху — английские солдаты разгоняют демонстрацию на улицах Никосии; внизу — арест демонстрантов на Кипре.

Снимки из английского журнала «Сфир».

Особенность нашей жизни в Нью-Йорке заключалась в том, что мы, следуя заранее утвержденной государственной программе, все время куда-нибудь спешили. Как я уже писал, почти сразу после высадки на берег мы посетили редакцию газеты «Нью-Йорк таймс» — одной из крупнейших и выходящей в Америке: «Нью-Йорк таймс» насчитывает 104 года существования и выходит ежедневно, причем по воскресеньям ее тираж удваивается. Глава издательства г-н Суэйджер-старший заболел, и нас принимал в компании редакторов газеты его заместитель Орвел Дрейфус. Это невысокого роста, очень живой и общительный человек, наперняка умеющий держать в руках большое дело. Беседа наша, в самом начале умеренно подогретая шотландским виски с содой, прошла в дружеских тонах, при самом минимальном количестве взаимных шпильек и шипов, обычных для журналистских встреч.

В заключение Орвел Дрейфус сам показал нам типографию газеты. Разумеется, мы интересовались в первую очередь тем, как организован сам редакторский аппарат. Нам сказали:

— Наша главная задача — быть объективными. За последние годы при избрании президентов газета три раза выступала за демократического кандидата и три — за республиканца...

Разговор этот нам вспомнился позже, когда мы в Вашингтоне осматривали зал заседаний сената и, пользуясь случаем, пытались высунуть в сопровождающих нас лица различия в программах республиканской и демократической партий. Возможно, что и мы сами и сопровождавшие нас лица плохо разбирались в тонкостях политики, но этой разницы в программах мы не обнаружили.

Еще нам сказали, что статьи с мнением редакции по какому-нибудь вопросу печатаются только на одной странице газеты, а все остальные отводятся под информацию и объявления.

— Это делается в интересах объективности, — пояснили наши коллеги. — Мы хотим, чтобы читатель сам составлял собственное мнение...

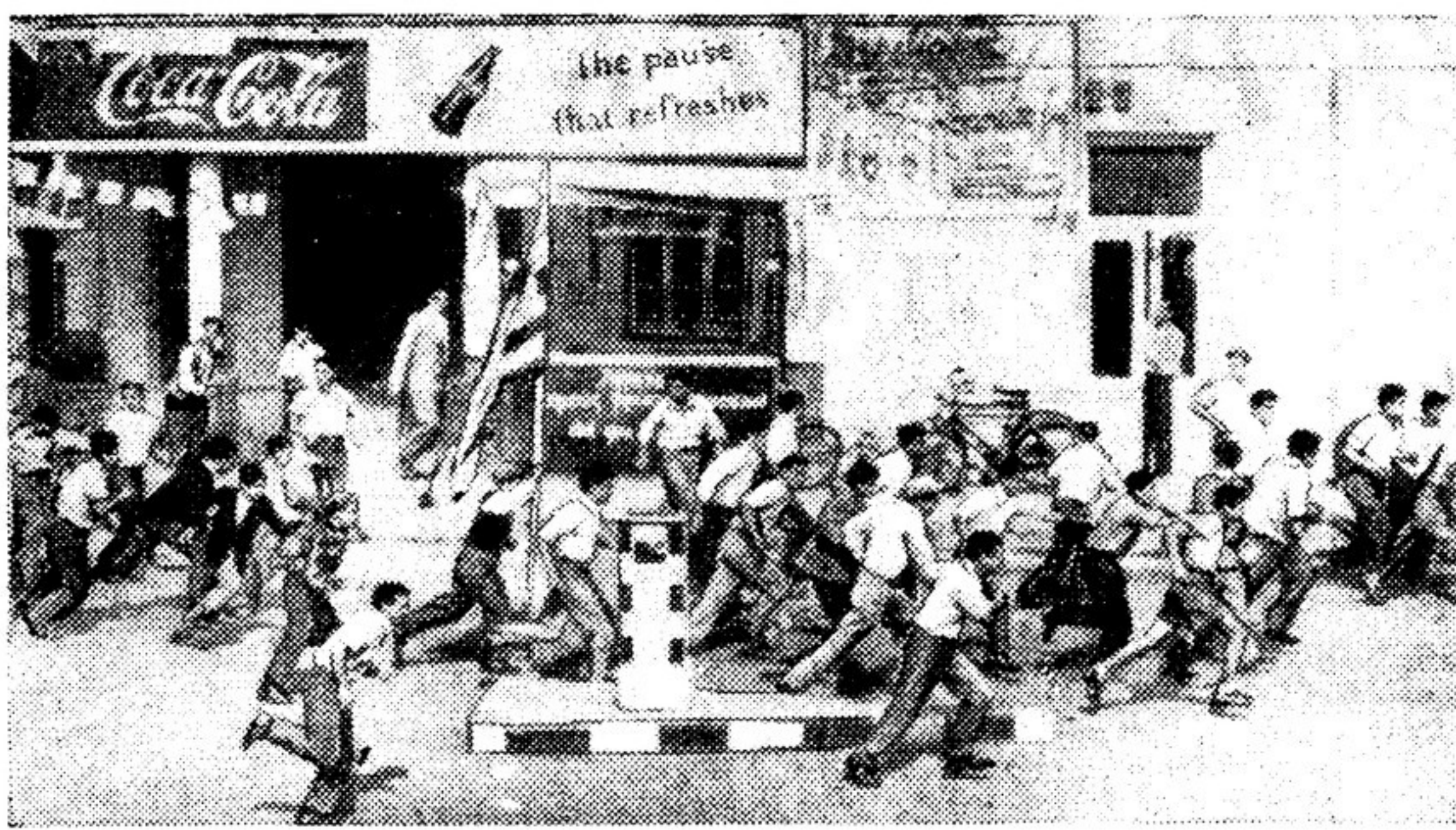
Похвальная забота о читателе. Однако, как профессионалы, и мы и американские журналисты понимали при этом, что информация собирается, отбирают, обрабатывают не автоматы, а люди...

Когда мы ложились спать, нам казалось, что гостиница «Голдфорд-Астория» находится не на скальном основании Манхэттена, а на штурмовой волне. — нас покачивало с дороги и от усталости. Однако первый сон в Нью-Йорке то и дело прерывался какой-либо неожиданностью, как американские телевизионные программы — объявлениями. Сначала в замке двери с ларужной стороны раздавалось громкое чеканное слово. Спросив я пригласила: «Войдите!». Ответил по-английски, и так как я не понимал, то встал и открыл дверь. Передо мной стоял служащий гостиницы с ключами. Заметив мое недоумение, он сказал по-русски:

— Вы забыли закрыть дверь изнутри... — О, это не имеет значения! — заверил я.

— Имеет... Таков наш распорядок! — Но почему, что мне угрожает? — Ответа я не получил. Позже это повторилось во многих городах, в том числе в Кэмпбелле и Сан-Франциско. Я последовал совету и лег спать, как говорится, «сначала». Сон был недолгим — вскоре меня разбудили отчаянный вой sireны и серия свистков, которые, вероятно, можно было слышать не только с восьмого этажа, а и на вершине «Эмпайр стейт билдинг» — самого высокого здания в Америке. Позже мне разъяснили, что с такой «музыкой» ходят чаще всего полицейские машины, посланные к месту происшествия, а свистками швейцарии и полицейские вызывают и останавливают гакаси. Передо мной, как живая, встала прошлая статья американского журналиста Эдмунда Джона Хьюза, напечатанная в «Лайфе», он сильно огорчился и ставил Москве в вину то, что на ее улицах не слышно визга тормозов и вот такого вой sireн. Вероятно, тут тоже дело вкуса, и, может быть, существуют люди, которым наилучшие сны снятся под визг циркулярной пилы и грохот парового молота. Но мы в этом отношении были консерваторами, предпочитали спать в тишине и очень рады были, когда находили ее в других американских городах.

Утром мы посетили нью-йоркскую биржу. Нам очень любезно принял г-н Фанстон, председатель биржевого комитета. Он рассказал о делах биржи, пожаловался, что после недавнего спада некоторые акции недостаточно идут вверх, и выразил мысль, что мирная экономика, как более стабильная, выгоднее гонки вооружений.

А МЕРИКА И АМЕРИКАНЦЫ

Среди небоскребов

Н. ГРИБАЧЕВ

Внутри биржа выглядит в общем, так же, как это описано в романах Джека Лондона и Теодора Драйзера, — более всего биржи напоминает базар с целыми рядами прилавков, у которых шумит возбужденная толпа. Движущиеся на стене световые ленты непрерывно показывают стоимость акций в данную минуту. Пока мы стояли на балконе для гостей, внизу вдруг раздались шум, крики и свист, оканчиваясь, таким образом биржа реагировала на незначительное повышение акций одной из компаний.

В этом зале разыгрывается последний акт драмы тех, кто не выдержал конкуренции, — они, кто называется, вылетают в трубу; здесь, фигурально выражаясь, более тучные в финансовом отношении продают более тощих.

Когда в разговоре выяснилось, что журнал «Огонек» приносит солидную прибыль, А. Софронову, представившему журнал в нашей делегации, немедленно и со всей серьезностью предложили купить акции одной из компаний.

— Я не знаю хитростей биржи и боюсь прогореть, — отшутился Софронов. — Беспроигрышность советской экономики надежна!

После биржи мы посетили один из банковских домов на Уолл-стрит. Глава его Уинстон Х. Смит, пожилой человек в скромном сером костюме, выразил удивление, что между США и СССР устанавливаются более мягкие отношения, и просил нас передать благодарность советскому народу за помощь, которую он оказал американцам, пострадавшим от наводнения. Затем он рассказал об истории дела и сообщил, что большинство клиентов банковского дома — люди с небольшим и средним заработком, имеющие одну-две акции. Вероятно, по человеческой склонности в наложном, владетелем такой акции тоже причисляет себя к разряду капиталистов, управляющих экономической Америкой. В действительности его голос в управлении делами банка слышен не более, чем муравей в стаде слонов. Надо, однако, сказать, что привлечение денег мелких держателей акций, которое сейчас принимает все больший размах, — мероприятие выгодное и в политическом и в экономическом отношении для руководящих кругов: в политическом отношении, как уже сказано выше, это создает иллюзию единства интересов труда и капитала, хотя, как мы в этом убедились из разговора с простыми американцами, один в данном случае получает бублик, а другой дырку от бублика; в экономическом отношении это позволяет банкам оперировать огромными суммами без особого риска: в случае спада деловой активности наибольший урон обычно несет мелкие держатели акций.

При всем том нельзя не отметить, что в банке образцово поставлены привлечение и обслуживание клиентов, связь с местными отделениями посредством телеграфов, установка новейшей электронной техники учета. В банке работают 5400 служащих, и уже одно это дает представление о размахе его деятельности.

В тот же день мы посетили Колумбийский университет. Некоторые из профессоров этого университета провели по году и больше в СССР, где изучали различные проблемы. Беседа носила дружеский характер, и многие работники университета выражали желание посетить Советский Союз. Нам интересна литературная программа университета. Из современных американских писателей в университете изучается твор-

чество Хемингуэя, Фолкнера, Стейнбека, Миллера, О'Нила, кроме того, Гегри Джеймса, Уитмена. Под предлогом того, что он «подражателен» (хотя кому подражает, — выяснить так и не удалось), почти не изучается творчество Ф. Гегри. О Лонгфелло профессор Уоллес сказал: — Он гораздо лучше и поэтичнее звучит в русском переводе, чем в оригинале!

В программе русской литературы изучается творчество или отдельные произведения Маяковского, Шолохова, Леонова, А. Толстого, Катаева, Яренбург, Блока, Фурманова, Н. Островского, Фадеева, Павленко. Из современных поэтов известен только Твардовский.

— Очень трудно с переводами стихов, — пожаловался профессор Уоллес. — У нас нет таких умелых переводчиков с иностранных языков, как у вас.

Затем декан Джесмин Браун познакомил нас с работой журналистского факультета университета. Постановка дела здесь значительно, как нам кажется, выгодно отличается от организации этого дела на журналистском факультете МГУ. Для того, чтобы поступить на журналистский факультет, нужно четыре года проучиться в университете, за это время определяются способности и склонности студента. Поступающий должен представить рекомендации лиц, знающих его, и предпочтение отдается рекомендациям журналистов. Прием прямо из школ считается новым делом, как сказали нам: «Приходится покупать юта в мешках». Программа обучения рассчитана на один год, в нее входят лекции журналистов, изучение газетного дела, информации для радио и телевидения. При факультете есть своя маленькая типография, в которой студенты сами набирают и печатают свою газету. Обязательны знания машинного и фотоаппарата, умение пользоваться магнитофоном, быстро и точно делать записи в блокноте. Время от времени группы студентов посылаются в редакции небольших газет Нью-Йорка, где они от начала и до конца делают несколько номеров. При этом на первой же странице сообщается, что газета выпущена студентами, а на факультете производится разбор ее.

Нам думается, что опыт подготовки журналистов в Колумбийском университете заслуживает внимания.

...В эти же дни я сделал для себя одно любопытное открытие.

Учитывая нештатное усердие рекламы, я полагаю, как и многие другие, что американцы очень любят жевать резинку и с утра до вечера жуют «кока-кола». Среди американских интеллигентов я не видел жующих резинку. В первый же день я попробовал «кока-кола». На мой взгляд, этот напиток ничуть не хуже лимонада среднего качества и, охлажденный на льду, непохоже утоляет жажду. Самое же главное заключается в том, что американцы пьют по преимуществу обыкновенную воду со льдом или без него. Именно стакан воды начинается каждый завтрак, каждый обед и ужин. Американская медицина считает, что это полезно для здоровья, а, кажется, нет на свете людей, которые бы так боялись болезней, как американцы — может быть, потому, что медицинская помощь и лекарства стоят здесь очень и очень дорого... Вслед за стаканом воды появляется на американском столе салат, в котором главную скрипку играет зеленый капустаный лист, — любовь к капусте здесь можно сравнить только с любовью к американскому футболу!

На третий день, без заметного ущерба для здоровья, начали привыкать к воде и капусте и мы...

Один из присутствовавших на собрании юношей рассказал о маленькой школе, созданной представителем группы «Провсвещения масс». Он с гордостью сказал, что среди учащихся были три девочки, но что их могло бы быть десять в новом учебном году, если бы они не были так бедны и имели бы одежду.

Большое впечатление на меня произвел один старик. Он просил бак для хранения воды, лекарства, семена, сельскохозяйственные орудия (и человека, который показывал бы, когда и как ими пользоваться). Он просил также организовать школу.

Собрание длилось примерно три часа. В тот вечер, когда мужчины и женщины начали расходиться по своим домам, молодая акушерка из народности чин, получившая образование в Рангуне, уговорила старших девочек и мальчиков местной школы напеть для нас на пленку народные песни. Дети познакомили нас с балладами чин. В одной из них рассказывается о том, как девушка отстояла свою независимость. «Я знала юношу, который любил меня, но я не любила его. Он украл мои бусы, положил их в гроб и сделал вид, что он коронит меня, но я злорадно, несмотря на то, что поступил, и я могу петь лучше, чем я пела раньше...»

На восходе солнца мы отправились в двадцатимильный поход по лесистым холмам, которые волнистыми склонами спускались в долины...

В 1955 году чины уже не считают свои деревни «маленькими и незначительными местечками» и не думают, что они «маленький и беспомощный народ».

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛНА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ, Н. ШАМОВА (зам. главного редактора).

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, редакция литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренняя жизнь — К 4-84-28, международная жизнь — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

ИЗДАТЕЛЬСТВА И КНИГИ

Большое число югославских издательств (только в Белграде их более тридцати) знакомит читателя с художественной литературой сербо-хорватском, словенском, македонском и других языках.

Белградские издательства «Культура», «Прогресс», «Нолит», «Минерва» и другие издают отдельные библиотечные произведения классиков отечественной и мировой литературы, современных национальных и иностранных авторов. Такие же серии выпускает издательство «Матица Сербска» (Нови Сад), существующее уже свыше ста лет, издательства в Загребе — «Матица Хрватска», «Зора».

«Државно издавачко предузеće» в Словении — «Цанкарска Заложба», «Словенска Матица», «Обзор» и многие другие. Сараевское издательство «Светлост» (Босния) выпустило за десять лет своего существования книги семист названий общим тиражом девять миллионов.

В Любляне сейчас выходит собрание сочинений классика словенской литературы Ивана Цанкара, «Матица Сербска» издает книги сербского прозаика, участника революции 1848 года, Якова Игнатовича, сатири-

чество Хемингуэя, Фолкнера, Стейнбека, Миллера, О'Нила, кроме того, Гегри Джеймса, Уитмена. Под предлогом того, что он «подражателен» (хотя кому подражает, — выяснить так и не удалось), почти не изучается творчество Ф. Гегри. О Лонгфелло профессор Уоллес сказал: — Он гораздо лучше и поэтичнее звучит в русском переводе, чем в оригинале!

В программе русской литературы изучается творчество или отдельные произведения Маяковского, Шолохова, Леонова, А. Толстого, Катаева, Яренбург, Блока, Фурманова, Н. Островского, Фадеева, Павленко. Из современных поэтов известен только Твардовский.

— Очень трудно с переводами стихов, — пожаловался профессор Уоллес. — У нас нет таких умелых переводчиков с иностранных языков, как у вас.

Затем декан Джесмин Браун познакомил нас с работой журналистского факультета университета. Постановка дела здесь значительно, как нам кажется, выгодно отличается от организации этого дела на журналистском факультете МГУ. Для того, чтобы поступить на журналистский факультет, нужно четыре года проучиться в университете, за это время определяются способности и склонности студента. Поступающий должен представить рекомендации лиц, знающих его, и предпочтение отдается рекомендациям журналистов. Прием прямо из школ считается новым делом, как сказали нам: «Приходится покупать юта в мешках». Программа обучения рассчитана на один год, в нее входят лекции журналистов, изучение газетного дела, информации для радио и телевидения. При факультете есть своя маленькая типография, в которой студенты сами набирают и печатают свою газету. Обязательны знания машинного и фотоаппарата, умение пользоваться магнитофоном, быстро и точно делать записи в блокноте. Время от времени группы студентов посылаются в редакции небольших газет Нью-Йорка, где они от начала и до конца делают несколько номеров. При этом на первой же странице сообщается, что газета выпущена студентами, а на факультете производится разбор ее.

Нам думается, что опыт подготовки журналистов в Колумбийском университете заслуживает внимания.

...В эти же дни я сделал для себя одно любопытное открытие.

Учитывая нештатное усердие рекламы, я полагаю, как и многие другие, что американцы очень любят жевать резинку и с утра до вечера жуют «кока-кола». Среди американских интеллигентов я не видел жующих резинку. В первый же день я попробовал «кока-кола». На мой взгляд, этот напиток ничуть не хуже лимонада среднего качества и, охлажденный на льду, непохоже утоляет жажду. Самое же главное заключается в том, что американцы пьют по преимуществу обыкновенную воду со льдом или без него. Именно стакан воды начинается каждый завтрак, каждый обед и ужин. Американская медицина считает, что это полезно для здоровья, а, кажется, нет на свете людей, которые бы так боялись болезней, как американцы — может быть, потому, что медицинская помощь и лекарства стоят здесь очень и очень дорого... Вслед за стаканом воды появляется на американском столе салат, в котором главную скрипку играет зеленый капустаный лист, — любовь к капусте здесь можно сравнить только с любовью к американскому футболу!

На третий день, без заметного ущерба для здоровья, начали привыкать к воде и капусте и мы...

Один из присутствовавших на собрании юношей рассказал о маленькой школе, созданной представителем группы «Провсвещения масс». Он с гордостью сказал, что среди учащихся были три девочки, но что их могло бы быть десять в новом учебном году, если бы они не были так бедны и имели бы одежду.

Большое впечатление на меня произвел один старик. Он просил бак для хранения воды, лекарства, семена, сельскохозяйственные орудия (и человека, который показывал бы, когда и как ими пользоваться). Он просил также организовать школу.

Собрание длилось примерно три часа. В тот вечер, когда мужчины и женщины начали расходиться по своим домам, молодая акушерка из народности чин, получившая образование в Рангуне, уговорила старших девочек и мальчиков местной школы напеть для нас на пленку народные песни. Дети познакомили нас с балладами чин. В одной из них рассказывается о том, как девушка отстояла свою независимость. «Я знала юношу, который любил меня, но я не любила его. Он украл мои бусы, положил их в гроб и сделал вид, что он коронит меня, но я злорадно, несмотря на то, что поступил, и я могу петь лучше, чем я пела раньше...»

На восходе солнца мы отправились в двадцатимильный поход по лесистым холмам, которые волнистыми склонами спускались в долины...

В 1955 году чины уже не считают свои деревни «маленькими и незначительными местечками» и не думают, что они «маленький и беспомощный народ».

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛНА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ, Н. ШАМОВА (зам. главного редактора).

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, редакция литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренняя жизнь — К 4-84-28, международная жизнь — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Один из присутствовавших на собрании юношей рассказал о маленькой школе, созданной представителем группы «Провсвещения масс». Он с гордостью сказал, что среди учащихся были три девочки, но что их могло бы быть десять в новом учебном году, если бы они не были так бедны и имели бы одежду.

Большое впечатление на меня произвел один старик. Он просил бак для хранения воды, лекарства, семена, сельскохозяйственные орудия (и человека, который показывал бы, когда и как ими пользоваться). Он просил также организовать школу.

Собрание длилось примерно три часа. В тот вечер, когда мужчины и женщины начали расходиться по своим домам, молодая акушерка из народности чин, получившая образование в Рангуне, уговорила старших девочек и мальчиков местной школы напеть для нас на пленку народные песни. Дети познакомили нас с балладами чин. В одной из них рассказывается о том, как девушка отстояла свою независимость. «Я знала юношу, который любил меня, но я не любила его. Он украл мои бусы, положил их в гроб и сделал вид, что он коронит меня, но я злорадно, несмотря на то, что поступил, и я могу петь лучше, чем я пела раньше...»

На восходе солнца мы отправились в двадцатимильный поход по лесистым холмам, которые волнистыми склонами спускались в долины...

В 1955 году чины уже не считают свои деревни «маленькими и незначительными местечками» и не думают, что они «маленький и беспомощный народ».

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

«Државно издавачко предузеće» в Словении — «Цанкарска Заложба», «Словенска Матица», «Обзор» и многие другие. Сараевское издательство «Светлост» (Босния) выпустило за десять лет своего существования книги семист названий общим тиражом девять миллионов.

В Любляне сейчас выходит собрание сочинений классика словенской литературы Ивана Цанкара, «Матица Сербска» издает книги сербского прозаика, участника революции 1848 года, Якова Игнатовича, сатири-

чество Хемингуэя, Фолкнера, Стейнбека, Миллера, О'Нила, кроме того, Гегри Джеймса, Уитмена. Под предлогом того, что он «подражателен» (хотя кому подражает, — выяснить так и не удалось), почти не изучается творчество Ф. Гегри. О Лонгфелло профессор Уоллес сказал: — Он гораздо лучше и поэтичнее звучит в русском переводе, чем в оригинале!

В программе русской литературы изучается творчество или отдельные произведения Маяковского, Шолохова, Леонова, А. Толстого, Катаева, Яренбург, Блока, Фурманова, Н. Островского, Фадеева, Павленко. Из современных поэтов известен только Твардовский.

— Очень трудно с переводами стихов, — пожаловался профессор Уоллес. — У нас нет таких умелых переводчиков с иностранных языков, как у вас.

Затем декан Джесмин Браун познакомил нас с работой журналистского факультета университета. Постановка дела здесь значительно, как нам кажется, выгодно отличается от организации этого дела на журналистском факультете МГУ. Для того, чтобы поступить на журналистский факультет, нужно четыре года проучиться в университете, за это время определяются способности и склонности студента. Поступающий должен представить рекомендации лиц, знающих его, и предпочтение отдается рекомендациям журналистов. Прием прямо из школ считается новым делом, как сказали нам: «Приходится покупать юта в мешках». Программа обучения рассчитана на один год, в нее входят лекции журналистов, изучение газетного дела, информации для радио и телевидения. При факультете есть своя маленькая типография, в которой студенты сами набирают и печатают свою газету. Обязательны знания машинного и фотоаппарата, умение пользоваться магнитофоном, быстро и точно делать записи в блокноте. Время от времени группы студентов посылаются в редакции небольших газет Нью-Йорка, где они от начала и до конца делают несколько номеров. При этом на первой же странице сообщается, что газета выпущена студентами, а на факультете производится разбор ее.

Нам думается, что опыт подготовки журналистов в Колумбийском университете заслуживает внимания.

...В эти же дни я сделал для себя одно любопытное открытие.

Учитывая нештатное усердие рекламы, я полагаю, как и многие другие, что американцы очень любят жевать резинку и с утра до вечера жуют «кока-кола». Среди американских интеллигентов я не видел жующих резинку. В первый же день я попробовал «кока-кола». На мой взгляд, этот напиток ничуть не хуже лимонада среднего качества и, охлажденный на льду, непохоже утоляет жажду. Самое же главное заключается в том, что американцы пьют по преимуществу обыкновенную воду со льдом или без него. Именно стакан воды начинается каждый завтрак, каждый обед и ужин. Американская медицина считает, что это полезно для здоровья, а, кажется, нет на свете людей, которые бы так боялись болезней, как американцы — может быть, потому, что медицинская помощь и лекарства стоят здесь очень и очень дорого... Вслед за стаканом воды появляется на американском столе салат, в котором главную скрипку играет зеленый капустаный лист, — любовь к капусте здесь можно сравнить только с любовью к американскому футболу!

На третий день, без заметного ущерба для здоровья, начали привыкать к воде и капусте и мы...

Один из присутствовавших на собрании юношей рассказал о маленькой школе, созданной представителем группы «Провсвещения масс». Он с гордостью сказал, что среди учащихся были три девочки, но что их могло бы быть десять в новом учебном году, если бы они не были так бедны и имели бы одежду.

Большое впечатление на меня произвел один старик. Он просил бак для хранения воды, лекарства, семена, сельскохозяйственные орудия (и человека, который показывал бы, когда и как ими пользоваться). Он просил также организовать школу.

Собрание длилось примерно три часа. В тот вечер, когда мужчины и женщины начали расходиться по своим домам, молодая акушерка из народности чин, получившая образование в Рангуне, уговорила старших девочек и мальчиков местной школы напеть для нас на пленку народные песни. Дети познакомили нас с балладами чин. В одной из них рассказывается о том, как девушка отстояла свою независимость. «Я знала юношу, который любил меня, но я не любила его. Он украл мои бусы, положил их в гроб и сделал вид, что он коронит меня, но я злорадно, несмотря на то, что поступил, и я могу петь лучше, чем я пела раньше...»

На восходе солнца мы отправились в двадцатимильный поход по лесистым холмам, которые волнистыми склонами спускались в долины...

В 1955 году чины уже не считают свои деревни «маленькими и незначительными местечками» и не думают, что они «маленький и беспомощный народ».

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛНА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ, Н. ШАМОВА (зам. главного редактора).

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, редакция литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренняя жизнь — К 4-84-28, международная жизнь — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Один из присутствовавших на собрании юношей рассказал о маленькой школе, созданной представителем группы «Провсвещения масс». Он с гордостью сказал, что среди учащихся были три девочки, но что их могло бы быть десять в новом учебном году, если бы они не были так бедны и имели бы одежду.

Большое впечатление на меня произвел один старик. Он просил бак для хранения воды, лекарства, семена, сельскохозяйственные орудия (и человека, который показывал бы, когда и как ими пользоваться). Он просил также организовать школу.

Собрание длилось примерно три часа. В тот вечер, когда мужчины и женщины начали расходиться по своим домам, молодая акушерка из народности чин, получившая образование в Рангуне, уговорила старших девочек и мальчиков местной школы напеть для нас на пленку народные песни. Дети познакомили нас с балладами чин. В одной из них рассказывается о том, как девушка отстояла свою независимость. «Я знала юношу, который любил меня, но я не любила его. Он украл мои бусы, положил их в гроб и сделал вид, что он коронит меня, но я злорадно, несмотря на то, что поступил, и я могу петь лучше, чем я пела раньше...»

На восходе солнца мы отправились в двадцатимильный поход по лесистым холмам, которые волнистыми склонами спускались в долины...

В 1955 году чины уже не считают свои деревни «маленькими и незначительными местечками» и не думают, что они «маленький и беспомощный народ».

В ЮГОСЛАВИИ

«Државно издавачко предузеće» в Словении — «Цанкарска Заложба», «Словенска Матица», «Обзор» и многие другие. Сараевское издательство «Светлост» (Босния) выпустило за десять лет своего существования книги семист названий общим тиражом девять миллионов.

В Любляне сейчас выходит собрание сочинений классика словенской литературы Ивана Цанкара, «Матица Сербска» издает книги сербского прозаика, участника революции 1848 года, Якова Игнатовича, сатири-

чество Хемингуэя, Фолкнера, Стейнбека, Миллера, О'Нила, кроме того, Гегри Джеймса, Уитмена. Под предлогом того, что он «подражателен» (хотя кому подражает, — выяснить так и не удалось), почти не изучается творчество Ф. Гегри. О Лонгфелло профессор Уоллес сказал: — Он гораздо лучше и поэтичнее звучит в русском переводе, чем в оригинале!

В программе русской литературы изучается творчество или отдельные произведения Маяковского, Шолохова, Леонова, А. Толстого, Катаева, Яренбург, Блока, Фурманова, Н. Островского, Фадеева, Павленко. Из современных поэтов известен только Твардовский.

— Очень трудно с переводами стихов, — пожаловался профессор Уоллес. — У нас нет таких умелых переводчиков с иностранных языков, как у вас.

Затем декан Джесмин Браун познакомил нас с работой журналистского факультета университета. Постановка дела здесь значительно, как нам кажется, выгодно отличается от организации этого дела на журналистском факультете МГУ. Для того, чтобы поступить на журналистский факультет, нужно четыре года проучиться в университете, за это время определяются способности и склонности студента. Поступающий должен представить рекомендации лиц, знающих его, и предпочтение отдается рекомендациям журналистов. Прием прямо из школ считается новым делом, как сказали нам: «Приход